

СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ОБЩЕНИЯ В СПЕЦИФИКЕ ВЕРБАЛЬНЫХ СРЕДСТВ ИХ РЕАЛИЗАЦИИ В МЕДИАТИЗИРОВАННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Мамайко С.Г.

Белорусский государственный университет, Минск

Понятие «стратегия» следует рассматривать в контексте разных подходов в силу его многофункциональности. С позиций *прагмалингвистического* подхода стратегия определяется как «совокупность речевых действий», «цепочка решений говорящего, его выборов определенных коммуникативных действий и языковых средств» [6, с. 56]. В контексте *когнитивного* подхода О.С. Иссерс данное понятие определяется как «комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативных целей», который предполагает «планирование процесса речевой коммуникации в зависимости от конкретных условий общения и личностей коммуникантов, а также реализацию этого плана» [3, с. 56]. Ученый акцентирует, что стратегии и тактики речевого поведения коррелируют с основными этапами речевой деятельности (планированием и контролем). Следовательно, стратегия представляет собой «когнитивный план общения, посредством которого контролируется оптимальное решение коммуникативных задач говорящего в условиях непроинформированности по поводу действий партнера» [3, с. 56].

В настоящем исследовании категорию «стратегия» предлагаем рассматривать как определенную направленность речевого поведения в конкретной ситуации, которая преследует достижение конкретных целей коммуникации. Для определения стратегии речевого воздействия необходимо учитывать не только цель коммуникации, но и набор тактик, которые используются в качестве инструментов ее реализации. Речевые тактики, по нашему мнению, представляют собой некоторые

речевые действия, характеризующиеся определенной задачей в рамках реализуемой коммуникативной стратегии.

Понятия «стратегия» и «тактика» в политическом дискурсе тесно взаимосвязаны, что подтверждается определением политологами тактик как вытекающих из стратегий. В итоге, политическая стратегия и тактика могут рассматриваться как теория и практика участия в политической жизни, политическом процессе и политической борьбе, применяемые государственной властью, общественно-политическими силами и движениями [9]. Таким образом, стратегия является более широким понятием, определяющим направление деятельности более масштабного формата, тогда как тактика реализует линию вербального поведения субъекта в конкретных коммуникативных условиях.

Е.И. Шейгал выделяет в политическом дискурсе следующие виды стратегий [8, с. 115].

1. Стратегия вуалирования (затушевывания нежелательной информации) часто используется в выступлениях Барака Обамы при описании глобальных проблем, виновником которых США, естественно, себя не признает: *Too often, we have failed to enforce international norms when it's inconvenient to do so. And we have not confronted forcefully enough the intolerance, sectarianism, and hopelessness that feeds violent extremism in too many parts of the globe* – ‘Слишком часто мы не могли обеспечить соблюдение международных норм, когда это было неудобным для нас. И мы не противостояли достаточно сильно нетерпимости, сектантству и безнадежности, которая питает насильственный экстремизм во многих частях земного шара’ [12]. Ссылаясь на абстрактные и общеизвестные понятия, президент США вуалирует истинную причину вспышки террористических атак, а именно ввод войск США на территорию Ирака и Афганистана, тайное участие США в Ирано-иракской войне под предлогом искоренения экстремизма / терроризма, что в итоге и послужило возникновению агрессии со стороны Исламского государства.

2. Стратегия мистификации (сокрытие истины, сознательное введение в заблуждение) особенно четко прослеживается в англоязычной политической коммуникации при упоминании ошибок прошлого (в частности, ввода войск США на территорию Ирака и Афганистана). Так, в своем выступлении на Генеральной Ассамблее ООН Дэвид Кэмерон заявляет: *Of course it is absolutely right that we should learn the lessons of the past, especially of what happened in Iraq a decade ago. But we have to learn the right lessons. ‘Yes’ to careful preparation; ‘no’ to rushing to join a conflict without a clear plan* – ‘Конечно, это абсолютно правильно, что мы должны извлечь уроки из

прошлого, особенно говоря о том, что произошло в Ираке десять лет назад. Но мы должны извлекать правильные уроки. Сказать «да» тщательной подготовке; «нет» – спешке присоединиться к конфликту без четкого плана» [10].

В то же время, Джон Керри, яро доказывая значимость действий США по урегулированию отношений с исламскими государствами, в потоке речи забывает об участии США в Ирано-иракской войне, однако, осознав явное противоречие истине, незамедлительно, но осторожно исправляется: *It is why we have worked hard to mitigate the incredible burden the war has placed on Syria's neighbors – on Iran, Lebanon, Jordan, Turkey, and Iraq. Excuse me, not Iran, Iraq. And in each case, we have coordinated closely with the government in order to prevent the violence from spreading ...* – «Именно поэтому мы усердно трудились, чтобы смягчить неимоверную тяжесть войны в странах, соседствующих Сирии – Иране, Ливане, Иордании, Турции и Ираке. Простите, не Иране, Ираке. И в каждом случае, мы тесно сотрудничаем с правительством, чтобы предотвратить распространение насилия ...» [11].

Обама является явным «лидером» в использовании данной стратегии с целью оправдания действий США либо демонстрирования их важности: *America is pursuing a diplomatic resolution to the Iranian nuclear issue, as part of our commitment to stop the spread of nuclear weapons and pursue the peace and security of a world without them* – «Америка ищет дипломатическое решение иранской ядерной проблемы, так как часть наших обязательств заключается в том, чтобы остановить распространение ядерного оружия и добиться мира и безопасности» [12]. Общеизвестно, что именно США – активный поставщик оружия в исламские государства с самого начала возникновения там конфликтов. Однако президент настаивает на выполнении США миротворческой миссии.

3. **Стратегия анонимности** (деперсонализации) как прием снятия ответственности активно используется, как англоязычными политиками, так и русскоязычными. Так, вместо *'I'* (личного местоимения первого лица единственного числа) Обама, Керри и Кэмерон оперируют личным местоимением первого лица множественного числа *'We'*, отождествляя зачастую собственные решения с интересами и действиями целой страны. Обама, к примеру, заявляет: *We are here because others realized that we gain more from cooperation than conquest* – «Мы здесь потому, что другие страны осознали, что мы получаем больше от сотрудничества, чем от завоевания», явно деперсонализируя свои решения [12].

В свою очередь Кэмерон использует данную стратегию при описании глобальных проблем, не называя список подразумеваемых стран: *We must ban preachers of hate from coming to our countries. We must proscribe organisations that incite terrorism against people at home and abroad* – ‘Мы должны запретить проповедниками ненавистных действий приезжать в наши страны. Мы должны запретить организации, которые разжигают терроризм против людей у себя дома и за рубежом’ [10].

Интересен тот факт, что Путин использует данную стратегию в полной мере: он ни разу не употребляет в рассматриваемом выступлении личное местоимение первого лица единственного числа «я»: «70-летний юбилей Организации Объединенных Наций – хороший повод обратиться и к истории, и поговорить о нашем общем будущем» [5] и т. д.

При этом речь американского политика, в частности Джона Керри, весьма персонифицирована: в его выступлении местоимение ‘I’ используется чаще, чем «мы»: “*Now I emphasize this...*”, “*Let me be clear*”, “*So I thought this might be a good time...*” [11].

А.А. Филинский, в свою очередь, предлагает следующие стратегии политического общения [7, с. 5]:

1. **Стратегия реификации** (конструирование образа врага) – основа любого политического выступления. Интересен тот факт, что Обама не использует «стратегию вуалирования» в совокупности со «стратегией реификации» при обсуждении действий России, а предпочитает открыто критиковать и заявлять о своем отношении к данному субъекту политики, демонстрируя некоторую неопытность в понимании успешности политической коммуникации: *Against the will of the government in Kyiv, Crimea was annexed. Russia poured arms into eastern Ukraine, fueling violent separatists and a conflict that has killed thousands* – ‘Против воли правительства в Киеве, Крым был присоединен к России. Россия поставляет оружие в восточную Украину, разжигая насилие сепаратистов и конфликт, который убивает тысячи мирных жителей’ [12]. Президент США во многих случаях предпочитает кооперировать «стратегию мистификации» и «стратегию реификации». Данный факт может быть объяснен лишь тем, что Обама пытается построить образ вражеской России, однако, не располагает для этого сильной аргументированной базы. Таким образом, президент США не только открыто называет Россию нарушителем мира, но и приписывает ей свои собственные противозаконные действия: *Russian aggression in Europe recalls the days when large nations trampled small ones in pursuit of territorial ambition* – ‘Агрессия России в Европе напоминает времена, когда большие народы топтали маленькие в погоне за территориальным

честолюбием' [12]. Ссылаясь на историю, именно США на протяжении столетий тайно (и явно) ущемляли права маленьких стран и народов мира.

В свою очередь, Путин использует «стратегию вуалирования» именно с целью успешного применения «стратегии реификации»: «Мы все знаем, что после окончания «холодной войны» – все это знают – в мире возник единственный центр доминирования. И тогда у тех, кто оказался на вершине этой пирамиды, возник соблазн думать, что если они такие сильные и исключительные, то лучше всех знают что делать» [5].

2. Стратегия делегитимизации (разрушение образа оппонента) тесно связана с экспрессивно-эмоциональными средствами языка, самым репрезентативным из которых является политическая метафора. Следует отметить, что данная стратегия переплетается со «стратегией вуалирования». Президент США в основном использует политические метафоры с целью воплощения именно «стратегии делегитимизации», тогда как «стратегия вуалирования» в его выступлениях используется для сокрытия собственных ошибок и ошибок страны. Так, Обама употребляет в своем выступлении огромное количество метафор при описании действий вражеской России: *Russia poured arms* – 'Россия (букв.) затопила оружием', *fueling violent separatists and a conflict* – 'подпитывая / (букв.) снабжая топливом' воинствующих сепаратистов и разжигая конфликт' и т. д. [12].

В свою очередь, Путин умело оперирует метафорами как для осуществления «стратегии вуалирования» и «стратегии реификации», так и для проведения «стратегии делегитимизации», которая и является следствием успешного использования предыдущих двух: «В такой ситуации лицемерно и безответственно выступать с громогласными декларациями об угрозе международного терроризма и при этом *закрывать глаза* на каналы финансирования и поддержки террористов», «Считаем любые попытки *заигрывать* с террористами <...> *пожароопасными*» и т.д. [5].

Политики используют данную стратегию не только в отношении друг друга, но и для разрушения образа единого для всех врага – экстремизма / терроризма. Обама, к примеру, использует в основном антропологические метафоры с целью описания терроризма, который выступает и как *the cancer of violent extremism* 'раковая опухоль воинствующего экстремизма', *that has ravaged so many parts of the Muslim world* – 'которая опустошила (уничтожила) многие страны мусульманского мира', и как *a pervert* 'страдающий извращениями человек', *who has perverted one of the world's great religions* – 'который

извратил (совратил) одну из великих религий мира», и как *madness* 'безумие', для излечения от которого необходимо *antidote* 'противоядие': *these investments [programs to support entrepreneurship and civil society, education and youth] are the best antidote to violence* – 'такие инвестиции являются лучшим противоядием насилию' [12].

В речи Путина ИГИЛ предстает в «артефактном» образе **орудия** («**орудие** против неугодных светских режимов»), а террористы (боевики ИГИЛ) «**проходят 'обкатку'**» – люди-машины, которых до этого использовали и выбросили на улицу как ненужную вещь: «*В их числе бывшие иракские военнослужащие, которые в результате вторжения в Ирак в 2003 году были выброшены на улицу*» [5].

3. **Стратегия амальгамирования** («мы»-дискурс) коррелирует с уже ранее описанной «стратегией анонимности».

О.С. Иссерс акцентирует внимание на стратегиях **дискредитации** и **самопрезентации** в политическом дискурсе [3, с. 6] а О.В. Гайкова акцентирует **манипулятивные** и **аргументативные** стратегии [2, с. 11]. К перечисленным стратегиям О.Н. Паршина добавляет следующие: нападения, самозащиты, формирования эмоционального настроения адресата, а также информационно-интерпретационную и агитационную стратегии [4, с. 42-116].

Предлагаем более детально проанализировать стратегии и тактики политического общения, актуальные в контексте настоящего исследования.

Поскольку одной из ключевых в политической коммуникации функций, реализуемых в целом массиве весьма изощренных вербальных и невербальных средств, является *воздействующая*, предлагаем акцентировать стратегию **самопрезентации**, детально изученную О.Н. Паршиной в комплексе *воплощающих ее тактик* [4]. Среди отмеченных ею выделяется *тактика отождествления* – демонстрация символической принадлежности к определенной социальной, статусной или политической группе. Для нее характерны следующие языковые средства воплощения: цитирование известных прецедентных текстов, личностей, исторически значимых событий или ссылка на них, разговорные и лозунговые фразы, афоризмы. Так, Обама ссылается на *опыт* посредством упоминания не только исторически важных событий (*The shadow of World War* – 'Тень второй мировой войны'), но и знаковых явлений современности (например, бедности): *The prison of poverty* – 'тюрьма нищеты', активно цитируя президентов прошлого: *Speaking before this Assembly, President Kennedy put it well: "Terror is not a new weapon," he said* [12]. Интересен тот факт, что *тактика отождествления* представлена в речи англоязычного политика

в значительной степени через метафорические ассоциации, что придает аллюзивным образам большую экспрессивность. Таким образом, в речи президента США симультанно реализуются аргументативная и воздействующая функции политического общения.

В контексте рассматриваемой тактики отождествления Путин упоминает в своей речи об исторически значимых событиях Второй мировой войны, холодной войны, а также использует в качестве примера факты из истории СССР.

Тактика солидаризации представляет собой разновидность тактики отождествления и воплощается в стремлении политика создать впечатление общности с аудиторией взглядов, интересов и устремлений. Реализация тактики включает использование различных форм установления контакта (обращение по имени) и выражение согласия с оценкой проблемы адресатом, его мнением. Именно посредством данной тактики осуществляются ранее указанные стратегии анонимности и амальгамирования.

Тактика оппозиционирования / дистанцирования, базирующаяся на коммуникативной категории «чуждости», заключается в отделении, отмежевании, отстраненности от оппонента, адресата и даже от объекта высказывания. Данная тактика в большей мере используется Джоном Керри, который, как ранее упоминалось, предпочитает вести выступления от своего лица, нежели от лица всей нации.

Другая активно применяемая в политике стратегия – стратегия **удержания власти**, которая обладает огромным экспрессивно-оценочным потенциалом. В данном случае воздействие оказывается на аудиторию путем мотивированной подачи информации и ее интерпретации. К тактикам стратегии удержания власти О.Н. Паршина относят:

а) *тактику признания существования проблемы*, реализуемую в речи через высказывания бытийного типа с предикатами «существует», «имеет место быть», «есть» и оценочные прилагательные. Данная тактика активно используется всеми политиками в отношении признания проблемы терроризма / экстремизма. Так, Обама называет его «вовсе не новым оружием»: *Terrorism is not a new weapon* [12], а Путин предлагает «*объединить усилия в целях решения проблемы терроризма*» [5];

б) *тактику акцентирования положительной информации*, воплощаемую посредством лексем с положительной оценочностью. Обама активно использует модальные глаголы с оттеночным значением возможности, а также простое будущее время с целью осуществления данной тактики: *We can reach a solution that meets your energy needs*

while assuring the world that your program is peaceful – ‘Мы можем принять решение, которое отвечает вашим потребностям в сфере энергетики, обеспечивая при этом мир, в связи с тем, что ваша программа носит только мирный характер’, *we will continue to mobilize other countries to join us in making concrete commitments, significant commitments to fight this outbreak, and enhance our system of global health security for the long term* – ‘мы будем продолжать работу по мобилизации других стран с целью присоединения к нам в принятии конкретных обязательств, существенных обязательства по борьбе с этой вспышкой, и усиления нашей системы безопасности в области здравоохранения в долгосрочной перспективе’ [12].

в) *тактику разъяснения*, которая предполагает сообщение адресантом дополнительной информации за счет небольших риторических отступлений (освещение предыстории) на примерах из собственной жизни, актуальных или имевших ранее место событий;

г) *тактику комментирования* как пояснение сказанного через подкрепление общепринятыми фактами или ссылки на мнения авторитетных людей;

д) *тактику рассмотрения информации под новым углом зрения*, позволяющую адресанту предложить новую интерпретацию проблемы, а адресату пересмотреть ранее сформированное суждение;

е) *тактику указания на путь решения проблемы*, позволяющую политическому деятелю позиционировать себя как оперирующего информацией, осведомленного, стратегически мыслящего и активного лидера.

В качестве архи важной О.Н.Паршиной отмечается стратегия **формирования эмоционального настроя адресата**. Тактиками данной стратегии выступают: а) *тактика единения*, целью которой является объединение аудитории с помощью приемов риторики; б) *тактика обращения к эмоциям адресата*, в рамках которой используются воодушевляющие фразы и выражения в возвышенном / торжественном стиле; в) *тактика учета ценностных ориентиров*, призывающая к патриотизму и сохранению культурных ценностей [4, с. 98].

В качестве ключевой в политической коммуникации Д.А.Бокмельдер отмечает **стратегию убеждения**. Целью данной стратегии является влияние на принятие решения аудиторией при помощи вербальных и невербальных средств. Данная стратегия предполагает фактологическую аргументацию, подкрепление информации мнениями экспертов, специалистов [1, с. 15-16]. В теории О.Н.Паршиной отмечается схожая стратегия, именуемая как **аргументативная**, которая реализуется в комплексе следующих тактик:

а) *тактика контрастивного (сопоставительного) анализа*: сравнение, как установлено, воспринимается адресатом как убедительный аргумент; б) *тактика иллюстрирования* как демонстрация фактов и конкретных примеров; в) *тактика указания на перспективу*: создание образа предполагаемого результата при условии принятия отмеченных шагов; г) *тактика обоснованных оценок* как аргументация навязываемых оценок. О.Н. Паршина считает, что стратегия убеждения коррелирует с **агитационной стратегией**, целью которой является побуждение (или завуалированное принуждение) адресата к совершению определенных действий [4, с. 104].

Итак, в текстах политического дискурса кроется уникальное сочетание социальных, психологических, когнитивных и лингвистических факторов, которые интегрированы в виде системы стратегий и тактик политического общения, реализуются преимущественно с помощью вербальных средств и которые в своей уникальной совокупности выступают мощным инструментом социального воздействия, воспитания и манипулирования. В современном политическом тексте прагматически маркированные единицы, можно думать, если не доминируют, то, по крайней мере, не менее значимы, чем единицы информационно-аргументативные. А собственно вербальный инструментарий политического общения становится все более и более многослойным, смысломоделирующим, изощренным и изящным средством воздействия и реализации стратегий и тактик, что актуализирует обнаружение в семантике вербальных единиц (синтезе знака, образа, аффекта и интеллекта) экстравербального потенциала их манипулятивного воздействия. Данные тактики и стратегии тесно взаимосвязаны, поэтому используются в совокупности друг с другом. Мы установили, что каждое выступление базируется на построении «образа оппонента» и вычленении основных глобальных проблем с предложениями по решению данных проблем. В результате, достижение успешной политической коммуникации строится на умелом использовании тактик и стратегий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бокмельдер, Д.А. Стратегии убеждения в политике: анализ дискурса на материале современного английского языка: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – Иркутск, 2000. – 210 с.
2. Гайкова, О.В. Предвыборный дискурс как жанр политической коммуникации: (на материале английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – Волгоград, 2003. – 19 с.

3. Иссерс, О.С. Коммуникативные стратегии и тактики в русской речи: изд.-5 / О.С. Иссерс. – М.: ЛКИ, 2008. – 288 с.
4. Паршина, О.Н. Российская политическая речь: Теория и практика / О.Н. Паршина. – М.: ЛКИ, 2007. – 232 с.
5. Путин, В. Выступление на пленарном заседании 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/50385>. – Дата доступа: 01.11.2015.
6. Труфанова, И.В. О разграничении понятий: речевой акт, речевой жанр, речевая стратегия, речевая тактика / И.В. Труфанова // Филологические науки. – 2001. – № 3. – С. 56-65.
7. Филинский, А.А. Критический анализ политического дискурса предвыборных кампаний 1999–2000 гг.: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – Тверь, 2002. – 163 с.
8. Шейгал, Е.И. Семиотика политического дискурса: дис. ... канд. фил. наук: 10.02.01, 10.02.19 / Е.И. Шейгал. – М.: Гнозис, 2003 – 326 с.
9. Academic.ru: онлайн словарь. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://power_politics.academic.ru/. – Дата доступа: 11.10.2015.
10. Cameron D. Mr. Cameron's speech to the 69th UN General Assembly (2014-2015). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.gov.uk/government/speeches/pm-speech-at-the-un-general-assembly-2014>. – Дата доступа: 17.05.2016.
11. Kerry J. Remarks by Secretary of State on the U.S. Strategy in Syria (12 Nov. 2015). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.state.gov/secretary/remarks/2015/11/249454.htm>. – Дата доступа: 15.06.2016.
12. Obama B. Remarks by President Obama in Address to the United Nations General Assembly (24 sept. 2014). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-and-remarks>. – Дата доступа: 20.04.2015.